

Глава 9. Испытания продолжаются

К новой действительности, уже без оккупантов, привыкаем быстро: жизнь завертелась как-то сразу. Родители в беспрестанных трудах. Отец с утра до ночи пропадает на заводе; мать озабочена добыванием хлеба насущного, хлопочет по хозяйству, занимается ремонтом подворья... Чем могут, помогают старики...

Только мы с Николаем в стороне и большей частью предоставлены сами себе. Его вижу редко. У нас с ним порядочная разница в годах, потому и круг общения, приятельства разные: у каждого возраста свои дела, интересы. Но объединяет нас, как, впрочем, и всех детей и подростков в то время, одно – нездоровый интерес к трофеям, растерянным по окрестностям после прохождения фронта.

Тут и неразорвавшиеся артиллерийские мины, гранаты; стрелковое оружие; россыпи отстрелянных гильз и целехеньких патронов; патроны обыкновенные и оригинальные – с мудреной раскраской пуль; ящики для боеприпасов с пряными, незнакомыми селу, запахами... Всё это попадалось, как говорится, на каждом шагу...

В первый же день по возвращении домой, «исследуя» двор, натыкаюсь на разорванный мешочек с какими-то трубочками. Лежал он недалеко от калитки и в двух шагах от угла хаты. Не понимая, что это такое, я тогда на мало чем примечательную находку внимания не обратил. Но теперь-то я знаю: то был артиллерийский заряд с трубчатым (иначе «макаронным») порохом. Он, как известно, использовался в боеприпасах немецких орудий большого калибра и реактивных минометов. Напрашивается неожиданный вывод: какое-то из таких орудий стояло в нашем дворе! И эту, неизвестную ранее, подробность я открываю лишь сейчас – спустя три четверти века после описываемых событий!

Целыми днями шляемся по дворам, огородам, около речки. «Повезло» Володьке Скрыннику. У него в усадьбе целых два окопа: один, одиночный, около хаты; второй, для пулеметного гнезда, в конце огорода – на самом верху обрывистого склона к реке. И в первом, и во втором окопе всякого «добра» без счету, но самого «ценного» – стрелкового оружия – не видно... Его уже успели подобрать старшие ребята и взрослые...

Мог ли кто-то из молодежи, уже понюхавшей пороху, оставаться равнодушным к ничейному арсеналу. Каждому парню хотелось стать обладателем какого-нибудь интересного трофея, вдоволь пострелять из него; каждый хотел поиграть настоящими, недетскими «игрушками».

Кое-что о том, как Николай и его друзья ими распорядились, я уже писал в Книге II. Позволю себе здесь в чем-то повториться – еще раз вспомнить некоторые эпизоды того веселенького времени и дополнить их опущенными прежде деталями...

Двор нашей соседки Ольги Ивановны Вакуленко. Знакомый хлопец, уже добывший где-то себе винтовку, демонстрирует Николаю, как надо целиться и стрелять по воробью, чтобы попасть птице в самую головку! Бедная птичка... Я наблюдаю и удивляюсь меткости «снайпера»...

Николай тогда собственного оружия не имел и немного завидовал приятелю. Что же касается возможности пострелять, то он ее вскоре получил в избытке. К нам поместили на постой солдат-железнодорожников, восстанавливающих гречковский мост. Николай смотрел на их оружие горящими глазами: как же хотелось подержать его в руках, пощелкать затвором... Молоденькому сержанту, командиру солдат, еще недавно бывшему таким же по возрасту, как Николай, не надо было догадываться, что нужно парню. «Держи, работай!» – и протягивал ему свой карабин. Николай разбирал, старательно чистил, смазывал «инструмент», а в награду за труды получал обойму-другую патронов с разрешением произвести «контрольный отстрел» оружия. Братец выходил во двор, ставил на дорожке в огороде пустую бутылку, или какую-нибудь другую вещь, в качестве мишени и упражнялся в меткости стрельбы. Если подходящей мишени не было, просто пулял с порога в воздух...

Я только глотал слюнки и не переставал канючить: «Жадина, дай и мне попробовать!» Наконец он уступил-таки моим просьбам. Я не ожидал, насколько тяжелым для меня, слабака, оказался карабин, но это пустяк. Главное, что братец не подсказал, как держать приклад. Я не прижал его к плечу и, когда спустил крючок, меня так долбануло отдачей, что я едва остался на ногах. Слава Богу, хоть ключица осталась цела... После такого «удовольствия» я брату больше уже не надоедал...

Оружие имелось у многих сверстников Николая. Все открыто носили свои «цапки» – винтовки, обрезы, гранаты; брали их в школу, чтобы похвастаться друг перед другом; на время урока оставляли в карманах верхней одежды и на вешалках в раздевалках. Такая вольность продолжалась, правда, недолго: явилась милиция и опасные штучки поотбирала. Но мальчишки оружейные запасы свои скоро восстановили, только с тех пор их прятали. Было что-то огнестрельное и у моего брата, но об этом в семье никто не догадывался. Об этой тайне Николая я услышал от него, когда он был уже стариком. Где он только это «что-то» держал и куда потом «сбыл»? Ну и «конспиратор»!

«Шалости» хлопцев с боевыми «погремушками» были далеко небезобидными.

Однажды команда «саперов» с улицы Первомайской готовила подрыв очередной немецкой ручной гранаты около реки. Заложили ее в заросшей колючим кустарником выемке, где прежде добывалась глина. Протянули сюда провод полевого телефона. Один конец его обычно присоединялся к запальному шнуру гранаты, а другой выводился в какое-нибудь безопасное место, откуда, дергая за него, можно было привести в действие спусковое устройство боеприпаса. И вот граната подготовлена к взрыву. Малолетки уже спрятались за поворотом берегового обрыва. Последними место закладки покидали главные «подрывники» – Юрко Бобрицкий и наш Николай. Кто-то из них – кажется, даже мой братец! – пробираясь в колючих зарослях, нечаянно споткнулся, зацепился за провод и так его дернул, что сработало пусковое устройство и граната вот-вот должна была взорваться. И – грохнуло!.. Пришли в себя... Уф! – все живы, никого не покалечило, даже не задело! Шкодников спасла счастливая случайность – то ли они успели покинуть зону поражения (те немецкие гранаты взрывались с замедлением), то ли уже находились вне этой зоны, то ли еще что-то... Перепугались, конечно, все сильно и долго потом разбирались, кто виноват. Тем не менее «эксперимент», едва не закончившийся трагедией, уроком для безрассудной пацанвы не стал...

В безымянном переулке, спускающемся к Камню на речке, росло несколько молодых сливовых деревьев. Они-то и стали объектами для следующих «опытов». Теперь граната привязывалась к нижней части ствола, а «спусковой» провод делался длиннее. И понятно почему. Место тут было открытое, прятаться было практически негде, единственный выход – отползти подальше. Да, приходилось рисковать. Зато как эффектно взлетали вверх, вместе с комьями земли, вырванные с корнем деревца. Зрелище!

Не менее впечатляюще смотрелись взрывы гранат в реке. Ее разохотившиеся пиротехники стали «осваивать», когда все сливовые деревья были изведены.

Первая проба наделала много шума. На звук мощного взрыва прибежал, бывший в тот момент дома, Сашко Чернегель. Из наших ребят Сашко был на улице старшим, потому считал долгом сдерживать бесшабашную молодежь. Мальчишки при его появлении – тут же врассыпную. Разгневанный, он, размахивая руками, с криком носился то за одним, то за другим «пиротехником»; кому-то досталось и по шее... И его можно понять: он уже слышал о трагическом случае на станции. Накануне некий парнишка, наш односельчанин, за свое нездоровое любопытство и неосмотрительность расплатился жизнью – подорвался на боеприпасе, найденном в развалинах завода.

Несмотря на нагоняй, полученный от Чернегеля, и его угрозы крепкой трепки в случаеслушания, бодовые ребята «глушить рыбу» в Тясмине продолжали. И, действительно: спустя минуту-другую после взрыва на поверхность воды всплывала брюхом вверх разная, пораженная ударом, рыба. Ее несло течением, и какую-то прибывало к берегу. Вот и собирай «улов». Так можно было, как говорится, «совмещать приятное с полезным»...

Как-то наши «бомбардиры» решили разобраться с неразорвавшимся минометным снарядом. Ничего лучшего не могли придумать, как бросать мину с высокого обрыва на знакомый нам береговой Камень. Расчет был прост: метнуть ее так, чтобы она ударилась о камень головкой с взрывателем – и смотреть, что произойдет. Заводила, держа мину за хвостовик, становился у самого края обрыва, со всего маху запускать ее вниз и тут же бросался вместе со всеми в окоп за спиною. Метнул так раз, ничего не случилось – мина не взорвалась. Метнул второй раз – то же самое. Осмелели другие участники затеи. Кидали и так и этак, вроде попадали даже головкой о камень – не взрывается... Перестали уже и прятаться в окоп... И тут как ахнуло⁴⁶⁶! Фонтан осколков и мелких камней взметнулся до неба! И опять везение: никто не пострадал...

Пора, однако, возвращаться к самым первым дням после освобождения.

Сразу же за боевыми частями, стремительно прошедшими с фронтом через Смелу, в город и на станцию стали подтягиваться железнодорожные войска. Их задача – как можно быстрее восстановить разрушенное немцами железнодорожное хозяйство.

Известно, что в полосе действий 2-го Украинского фронта, освобождавшего Черкасщину (включая Смелу с ее станциями), восстановление железных дорог вело УВВР-14⁴⁶⁷. К примеру, днепровский мост в Черкассах возводился силами целого ряда батальонов и отрядов, входивших в состав этого управления (мостовых, восстановительных, механизации и пр.)⁴⁶⁸. Что касается работ по восстановлению мостов в районе нашей станции, то какие формирования их выполняли, мне установить не удалось. Зато я могу рассказать о той атмосфере, в которой это происходило...

Временный, с деревянными опорами, мост на одесской линии (через ручей Холодный – по-нашему «канаву») был отстроен так быстро, что мы этого почти не заметили⁴⁶⁹.

А вот над восстановлением гречковского моста военные железнодорожники трудились недели две-три. Почти 90-метровое двухпролетное сооружение – это всё-таки не простенький балочный, длиною каких-то 20–25 метров, мостик через «канаву».

Мостостроителей старались расставлять по квартирам вблизи места работ – главным образом в Куту и Гречковке. Но поскольку последняя почти вся была сожжена, то некоторую часть железнодорожников-восстановителей пришлось размещать и в Малой Яблоновке. В частности, в нашу хату на проживание была назначена команда из 10 человек: 9 рядовых, казахов по национальности и их русский командир, сержант, о котором я уже упоминал...

Постояльцы занимали гостиную. Мы их практически не видели. Поднимались они ранним утром, возвращались с работ поздно вечером. Страшно уставшие за день, они сразу же валились спать. Спали на полу и, как говорят украинцы, «покотом» – вповалку; тут же пристраивался и командир. Его подчиненные были из простых, малограмотных и уже в летах людей, почти не понимавших русский язык. Потому командир был у них не только начальником, но и «воспитателем», и «попечителем»...

Не могу сказать, чем и как солдаты-восстановители питались на службе, но подозреваю, что достаточным то питание не было. При первой возможности их заботливый командир, захватив карабин, уходил охотиться в поле за железнодорожную линию. Уже через какие-нибудь полчаса он приносил пару добытых зайцев и бросал их маме: «Хозяюшка, приготовь что-нибудь моим мужикам...»⁴⁷⁰. Во время оккупации охотничьим промыслом зани-

⁴⁶⁶ В этот раз мину, кажется, бросал Володька Бобрицкий

⁴⁶⁷ Управление военно-восстановительных работ 14.

⁴⁶⁸ Железнодорожные войска России. Кн. 3. На фронтах Великой Отечественной войны: 1941–1945. – М.: Стэха, 2002. – 336 с. – Глава восьмая. Вводили в строй мосты. – Высоководный мост на обходе.

⁴⁶⁹ В 1944 году железнодорожные войска вышли на средние темпы восстановления мостов около 10 погонных метров в сутки, а отдельные крупные мосты восстанавливались даже с темпом до 30–40 метров в сутки. Так что, думаю, мост через «канаву» был поднят за два–три дня.

⁴⁷⁰ Зайцев свеживал Николай.

маться было некому, так что зверья всякого развелось тогда немало... Зайца можно было пострелять даже рядом с хатой, и тому я был свидетелем.

Как-то я увязался за незнакомым красноармейцем⁴⁷¹. Он направлялся к речке, в сторону Камня, не переулком, которым все обычно ходили, а напрямик – через еще не занятый застройкою участок, вдоль границы с усадьбой Атамановских. Едва миновали их двор, красноармеец, подняв руку, давая мне знак остановиться. Сам же застыл, нацеливая винтовку немного вперед, в землю. Я понял, в чём дело, только когда раздался выстрел. Перед нами взметнулся снежный фонтанчик, а вместе с ним из снега высоко вверх выпрыгнул насмерть перепуганный беляк. Не успел озадаченный горе-охотник опомниться, как зайца и след простыл. Даже сейчас не могу объяснить тот казус. Непонятно, как мог заяц так близко подпустить к своей лёжке человека? Крепко спал? Не боялся людей, не слышал идущих? Как мог стрелявший в него, я бы сказал, в упор, солдат так позорно промахнуться?

Всё это, замечу, произошло в полусотне метров от нашей хаты!..

Если на воле дикий зверь расплодился, то домашние животные, напротив, практически извелись. Пропал мой дружок детства кот Азик, не видно собак... Впрочем, одна дворняга запомнилась.

Как-то гуляя по улице в поисках приключений, забрел во двор к Фурсенкам – тех, что жили «над ярком». Солдат с винтовкой, вижу, присматривается к одичалой, забившейся в щель под сараем, странной псине. Приговор солдата однозначный: «Бешеная – не иначе! Надо уложить, пока кого-то не покусала!» Мы, я и еще кто-то из уличных пацанов, наблюдавшие эту сцену, грозившую нам опасность, осознаем не вполне.

Вскинув винтовку, солдат стреляет в собаку... Теперь – новый сюрприз. У предыдущего стрелка «убитый» заяц убежал из-под носа, а сейчас пес, получивший пулю, остается жив-живёхонек. Только оскалился и захрипел, пуская слюни. Красноармеец пуляет еще раз; затем, как мне сейчас кажется, еще и третий раз... А зверюга всё ворочается и не сдаётся... «Ничего, сейчас мы тебя – разрывной пулей!» – объявляет «ветеринар». И лишь после этого пес был прикончен. Наш спаситель, соблюдая меры предосторожности, закопал его труп в огороде...

Вернусь к нашим постояльцам.

Были они тихими, безропотными; иногда, правда, доставляли и неприятности. Всё бы ничего, если бы не одна их привычка – ходить ночью по нужде как и куда кому заблагорассудится.

Полусонные, они выбегали из хаты во двор, напялив на ноги рабочие рукавицы, а то и босиком. Бежать до уборной за сараем было не с руки, потому облегчались у порога или прямо с порога, а потом, потоптавшись новоделанной «обувью» по испражнениям (кругом темнота!), заносили сие «ночное золото» в хату. Поутру хозяйка-мама жаловалась на квартирантов их «воспитателю», он им устраивал хорошую взбучку, но спустя некоторое время пассаж повторялся... Так у казахов принято в кишлаках? До нашей, сельской, «цивилизации» – аккуратного «нужника» в огороде – они еще не доросли?

Да простят меня наши казахские собратья по войне за мои откровения. Тут уж ничего не поделаешь – что было, то было. Как говорится, из песни слова не выкинешь...

Я несколько раз бывал на территории строящегося моста – ходил туда, между прочим, не из праздного любопытства, а по просьбе старших. То ли носил «нашим» казахам мамину стряпню, то ли исполнял поручение командира кого-то вызвать в Малую Яблоновку, то ли еще зачем-то – сейчас не помню... И я видел тот человеческий муравейник, которым кишела стройка. Кругом пилили, рубили, переносили бревна; возводили опоры, ставили волнорезы... Среди этого движения я и находил наших «аксакалов».

⁴⁷¹ Видимо, из тех же военных железнодорожников, но проживавших у кого-то из наших соседей.

Трудились все самоотверженно, энтузиазма было хоть отбавляй. Все горели желанием досрочно выполнить задание и приблизить победу над ненавистным врагом.

С фронта приходят радостные вести.

Под Корсунь-Шевченковским окружена большая немецкая группировка. Снабжение войск, оказавшихся в котле, становится возможным только по воздуху. Но это не просто – вражеская транспортная авиация несет значительные потери от наших истребителей и от зенитного огня.

Один немецкий самолет был сбит и над нашей станцией, и я это хорошо помню.

Летел он не очень высоко и как-то медленно: очевидно, был сильно нагружен. Зенитная батарея долбила по нему не смолкая⁴⁷². Наконец – ура! – самолет загорелся. В моей памяти четко запечатлелась картинка: выпрыгнувший с подбитого самолета летчик и вспыхнувший над ним при подлете к земле парашют...

По дошедшим до нас потом слухам, немца вроде бы сбил женский расчет зенитного орудия. Летчик приземлился в Куту, при этом сломал ногу. Первыми его схватили местные бабы и, забрасывая камнями, потащили «на расправу». Если бы подоспевшие вовремя красноармейцы не отобрали у них пленника, самосуда ему было бы не избежать...

Корсунь-Шевченковская операция завершается 17 февраля полным уничтожением окруженных войск противника.

А уже через три дня, 20 февраля 1944 года, по временному гречковскому мосту на фронт проходят первые эшелоны⁴⁷³...

К этому времени я уже был школьником. Школа на станции открылась едва ли не через неделю после освобождения. Среди общей разрухи находились уцелевшие постройки и тут же приспособлялись под учебные классы. Помещения для занятий разных классов были разбросаны по всей станции. Мой первый класс был устроен в здании так называемой Дортехшколы⁴⁷⁴. После двух, упоминавшихся ранее, забавных «учебных заведений» времени оккупации это была уже настоящая, и **третья** по счету, моя школа⁴⁷⁵. Первые уроки грамоты я получил именно в ней...

Как уже бывалый малец, я и в эту школу ходил «записываться» самостоятельно. Впрочем, в то время все мои сверстники были такими же. Да и для «поступления» в первый класс никакой подготовки и даже документов не требовалось. Надо было просто заявиться и сказать, откуда ты и как тебя зовут – тебя тут же записывали в журнал... Так случалось иногда даже при записи в старшие классы.

Вот как, к примеру, оказался у нас, уже в 5-м классе, Володя Ковальчук. «Как зовут?» – «Коваль-ковальчук, Владимир» – отвечает новенький. «Как, как?» – переспрашивает учительница, полагая, что мальчик заикается. Нет, повторяет своё: «Коваль-ковальчук!» Учительница: «Не бывает таких фамилий!» А он всё твердит и твердит: «Коваль-ковальчук!». Класс хохочет, а учительница не знает, что делать с настырным абитуриентом. «Ладно, ладно, – находит выход наставница. – Оставайся со своей фамилией, но в журнал я тебя всё-таки запишу „Ковальчук Володя“». С длинным именем ты в журнал не поместишься!». На том и сошлись. Володька оказался вполне нормальным парнем, оканчивал школу вместе со всеми и со своей «природной фамилией». Зачем он решил соригинальничать, когда записывался в класс, не могу взять в толк...

Тут мне придется сделать небольшое отступление и перенестись в наше время.

⁴⁷² Батарея стояла на выезде из станции – на противоположной от водокачки стороне одесской линии. Ее я, кажется, однажды в те дни видел (помню длиннющие стволы зениток).

⁴⁷³ Постоянный двухколейный, с бетонными быками и устоями, мост через Тясмин был отстроен (вместо временного моста) уже после войны – во второй половине 40-х годов.

⁴⁷⁴ Ее здание находилось за спортивной площадкой нынешней школы № 10 (ближе к пересечению улицы Лобачевского с Московским переулком). См. также стр. 20.

⁴⁷⁵ Ее название: железнодорожная школа № 22 Одесской (с 1953 года Одесско-Кишиневской) железной дороги.

Смотрю как-то телевизионную передачу. Москва, 1 сентября – начало учебного года. Спрашивают первоклашку: «Кто тебя собирал сегодня в школу?» Ответ: «Няня!» Рядом стоит молоденькая мама. На лице ни тени смущения: для нее работа няни и домашней прислуги в доме – в порядке вещей... А еще выясняется, что малец, пришедший в этот день первый раз в школу, до этого целый год занимался... в подготовительном классе!

И такое нынче сплошь и рядом. Перед школой бабушки, родители, не один год таскают свое чадо по всяким кружкам, спортивным секциям, подготовительным группам; судят-рядят, в какое учебное заведение его определить. Потом, уже непосредственно перед школой, целое лето закупают одежды, принадлежности. Затем дитя проходит в выбранной школе еще и собеседования, тесты. На них проверяют уровень развития ребенка; выясняется, насколько прилично он читает, пишет... И если уж он становится первоклассником, то в заведение и оттуда домой его обязательно кто-то водит за ручку или возит на автомобиле...

Хорошо это или плохо? Да, действительно, из выпускников сегодняшних школ нередко выходят «умники и умницы»... Да, отдельные вундеркинды еще в дошкольном возрасте, на радость честолюбивым родителям и жаждущим славы наставникам малыша, могут в какой-то узкой области знаний демонстрировать уникальные способности... Могут даже заученными фразами прочесть «лекцию» взрослым дядям. «Лучше всех!» – дружно хлопает в ладоши телевизионная аудитория карапузам. Но куда они потом, во взрослой жизни, деваются? Кто из них потом вырастает?

Удивляет, сколько сейчас развелось молодых особ, хвастающихся своей профессией. «Дизайнеры по ногтям», «педагоги по дефиле», «мастера по архитектуре бровей», всевозможные «модели»; «поэты», «композиторы» и исполнители своих «шедевров» – все в одном лице... Жизненного опыта никакого, одна самоуверенность и фальшь... А где те, кто создает материальные ценности?

У ребят моего, военного, поколения ничего подобного не было. Не было заносчивости, неуважения к настоящему, созидательному труду; к старшим. Не было таких возможностей для образования, развития, как сейчас. Зато у нас, кто уже понюхал порошу, было другое. В нашем багаже был некоторый жизненный опыт, крепкая закваска; мы лучше понимали, что такое жизнь, лучше были к ней приспособлены. Если поставить один на один в серьезной жизненной ситуации тогдашнего «необразованного» пацана и его сегодняшнего сверстника-всезнайку, уверен: выиграет тот – мой товарищ. Он владел немалым набором полезных навыков, многое умел, былмышленным и хорошо знал, «что почём»...

Перефразируя известные строки, скажу:

Да, были хлопцы в наше время,
Не то, что нынешнее племя...

Думаете, каждый кулик свое болото хвалит? Нет, готов поспорить и доказать...

Ладно, ладно, 84-летний старик ворчать прекращает.

Возвращаюсь к своей начальной школе.

Первые два класса в памяти моей отложились всего лишь несколькими расплывчатыми фрагментами.

Прежде всего, помнится крайняя во всём нужда и голодуха.

Не было никаких учебников, пособий; не было ни тетрадей, ни бумаги – случалось, писали даже на лоскутках газетной бумаги (даже в ней ощущалась нехватка!). Никто не знал портфелей. Школьное «имущество» обычно носили в карманах или просто под рукою; в лучшем случае для школьных принадлежностей использовался какой-нибудь, завалявшийся в хозяйстве, матерчатый мешочек с завязкой – например, из-под семечек...

А с каким нетерпением мы ожидали большой перемены! В этот перерыв нам выдавали «паёк». Маленький, граммов в 30, теплый ломтик черного хлеба, посыпанный ложечкой сахарного песка. Каким же необыкновенным казался он нам лакомством! В это тяжелейшее время истощенная страна находила возможность подпитывать худосочную ребятню.

Не могу сказать, был ли тот порядок общим для всех школ и возрастов, но в нашей, железнодорожной, школе первоклашек «подкармливали» именно так...

Поначалу азы грамоты постигались с трудом. Помню, мой «кореш» Виктор Олейник из параллельного класса, уже умел составлять из букв отдельные слоги, а из них и целое слово, а я какое-то время этот психологический барьер преодолеть никак не мог. То ли их класс успел несколько опередить нас с «обучением азбучным премудростям», то ли наша учительница не могла доносить «азбучные истины» каждому из своих воспитанников по отдельности. (В первых классах числилось тогда народу человек по 40.) Мне кажется, что мы больше набирались ума-разума друг у друга, нежели чем со слов учительницы...

Неслучайно, видимо, имени своей первой учительницы я не запомнил и не знал до своих седых лет. Лишь недавно Скрынник помог мне, благодаря его цепкой памяти, устранить этот пробел. Звали ее Меланья Никифоровна. Была она, по словам Скрынника, у нас недолго и умерла, не дотянув до окончания войны. Страдала, кажется, туберкулезом. Болезнь эта, по-народному чахотка, была тогда весьма распространенной. Никакого радикального лекарства от нее не водилось, если не считать такого народного средства, как собачий жир. Но и его не достать. Когда говорили, что человек хворает чахоткой, то это звучало печальным приговором.

Первый класс мы одолели одним махом и за какие-то полгода (продолжали заниматься и летом).

С сентября 1944 года я – второклассник. Второй школьный год был уже нормальным, из двух полноценных полугодий. Однако он оказался таким же малопримечательным, как и первый.

Чему и как, собственно, учили в классе, не помню... В памяти удержалось единственное – то, как мы «помогали» фронту. Пару раз, по подсказке старших, мы собирали бойцам незамысловатые отправления. Кто-то предложил в качестве подарка кисет, другой – горсть махорки, третий – носовой платок... Чем мы, при нашей бедности, могли порадовать их еще? Разве что простеньким детским рисунком, сложенным конвертом-треугольником...

Больше всего в это время нас привлекали внешкольные дела и интересы.

Утром, по пути в школу, обязательно останавливаемся на базаре. Он находился там же, где и сейчас. Самое бойкое место – у входа, рядом с железнодорожными путями, на которых останавливаются проходящие поезда. Тут хозяйничала всякая братва – любители ловить рыбу в мутной воде. Каждый застолбил за собою собственный промысел.

Один работает с морской свинкой. Экзотический для нашей местности зверёк «открывает» простакам будущее. Желаеть узнать его, плати денежку, и свинка выберет из коробки один из бумажных пакетиков. Разворачивай теперь и читай, какая тебе начертана судьба. Получившие билетки всякий раз остаются довольными. А как же иначе? Автор предсказаний писал их все так, чтобы никого не огорчать и каждому дарить надежду на лучшую жизнь...

Рядом в свою сеть завлекают очередную жертву ловкие мошенники. Демонстрируется игра «петелька и палец». На куске фанеры ведущий «представление» складывает из веревки две простенькие петли в виде цифры восемь. Одна петля «настоящая», другая «фальшивая». Если поставить палец в «настоящую» и потянуть за концы веревки, она обовьется вокруг пальца; «фальшивая» же петля с пальца всегда соскальзывает. Всё это показывается зрителям и предлагается поиграть на деньги. Если палец окажется в «настоящей» петле – ты выиграл; попадешь в «ложную» – проиграл.

Находится желающий попытать удачу. Поначалу он то выигрывает, то проигрывает. Ставки увеличиваются, азарт разгорается, толпа зевак растет, с разных сторон сыплются советы. В конце концов играющий выигрывает большую сумму. Никто из посторонних не знает, что «счастливчик» – подставное лицо, один из партнеров главаря группы, демонстрирующего номер. Игра направляется так, что его поделщик в итоге всегда выигрывает.

Задача мошенников затащить в игру недотёпу с хорошим кошельком – на современном языке лоха. Если тот решится играть, не сомневайтесь: он проиграется вдрызг. Для жертвы фокусник веревку раскладывает иначе – так, чтобы обе петельки были «ложными». Человек, незнакомый с секретом проделки, никогда не заметит подлог и всегда будет проигрывать...

Здесь же, около входа, «трудятся» и инвалиды-фронтовики – калеки с самодельными протезами и костылями. Одни нашли себя на перепродаже всякой мелочи, другие вертятся между жульём. Все – народ отчаяннейший, не раз смотревший смерти в глаза. Когда у них случались схватки между собою или с кем-то из промышлявших под боком проходимцев, они становились сущими дьяволами. Увечные, с культями вместо нормальных конечностей, они набрасывались на своего противника и дрались с таким остервенением, как когда-то, на фронте, когда врукопашную сшибались с фашистами. Дрались не на жизнь, а насмерть! Они и теперь побеждали – обидчики, вполне здоровые мужики, обычно с позором убегали... Страшно было смотреть на эти жестокие сцены...

После классов домой не спешим. Базар приутих и уже не так привлекателен. Можно отклониться от привычного маршрута и пройти по ближайшим задворкам. Несколько раз меня заносило к развалинам железнодорожной больницы. От нее остался один скелет – обгорелые стены; развороченные, заваленные разным ломом и вонючими нечистотами, помещения. Словом, здесь нет ничего, достойного внимания малолетнего «искателя сокровищ».

Чаще всего на обратном пути мы (конечно же, с Володькой Скрынником) задерживаемся на свалке. Находилась она тогда на выезде из станции в сторону Одессы и занимала узкую территорию между основной линией и вспомогательной веткой, проложенной вдоль берега известного уже нам болота, образованного ручьем Холодным⁴⁷⁶. Здесь регулярно на импровизированную платформу вываливался всякий мусор. Мы роемся в хламе, подбираем любопытные и непонятные для нас вещишки... По свалке слоняемся, покуда домой нас не потянет чувство голода...

После обеда – улица или речка. В поисках очередного приключения наведываюсь к разбитому грузовику, который немцы оставили перед нашим двором на противоположной стороне улицы⁴⁷⁷. Видимо, во время боя в него попал наш снаряд, и он почти весь выгорел. От грузовика осталось лишь шасси – рама на голых дисках да кабина. Не было на нём и двигателя, и куда он делся, сказать не могу. Возможно, этот ценный агрегат сняли сами немцы и захватили с собою при отступлении, но, может быть, это проделал и кто-то из наших, уже после освобождения. Тем не менее, даже в таком, разгромленном, виде машина для мальчишки представляла определенный интерес. Дело в том, что в балках рамы было много свободных проушин. Выбрал среди них подходящее моему замыслу отверстие. Остается плотно посадить в него винтовочный патрон⁴⁷⁸ – вот тебе и готов «аппарат» для стрельбы. Бей гвоздем по капсюлю – и пали! Для испытаний стрелялки у меня было всё готово. От затеи удерживали две вещи. Во-первых, я опасался, что пуля, которая должна была лететь в сторону двора «Илька» (смотри стр. 10–11), может наделать много шума. Во-вторых, подсознание мальчика, уже имевшего опыт стрельбы из настоящего карабина и знакомства с отдачей оружия⁴⁷⁹, шептало: «А что если при выстреле патрон вы-

⁴⁷⁶ Эта территория на станции называлась в свое время «ДОК», однако когда она получила это название, сказать не могу. Мы не задумывались, что это означало – ДОК он и есть ДОК. Только теперь, вспоминая былое, узнал, что так сокращенно называют Деревообрабатывающий комбинат. И, правда: по крайней мере в 50-е годы, там действовало деревообрабатывающее производство и еще какие-то.

⁴⁷⁷ На целине, соседствующей с Атамановскими. Спустя несколько лет после войны ее освоили сыновья Исаака Бобрицкого: рядом с Атамановскими построился Георгий (по-уличному Жорик), а смежно с последним – Леонид (о семействе Исаака Бобрицкого смотри стр. 12).

⁴⁷⁸ Такой боеприпас был доступен для любого тогдашнего пацана.

⁴⁷⁹ С подачи моего брата Николая, помните?

шибет из балки отдачей? Травмы не миновать!» Рассудительность победила: стрелять я так и не решился. И, слава Богу!

В этот раз изобретение не состоялось, но следующая вещичка удалась вполне. Слесарил я ее и ладил при том же трофейном автомобиле. Он продолжал оставаться для меня «мастерской для изготовления» и площадкой для испытаний «стреляющих» самоделок. Некоторые ребята уже их имели, не терпелось сварганить что-то подобное и себе.

Устройство «игрушки» простейшее. Нужны всего три детали-заготовки: отрезок трубки (лучше медной), гвоздь и резинка. Один конец трубки (лучше медной) сплющивается и загибается так, чтобы она приняла вид буквы Г; точно таким же образом загибается конец гвоздя со шляпкой. Далее идет сборка: в трубку («ствол») вставляется гвоздь («боёк»), после чего они стягиваются резинкой.

Остается «оружие» зарядить (для этого использовалась сера от обычных спичек, которая засыпалась в «ствол»), взвести спусковое устройство (растягивая резинку, выдвинуть гвоздь из «ствола» и перекосом зафиксировать его положение). Всё! Пугач готов к применению. Чтобы он сработал, его надо было бросить о какую-нибудь твердь – так чтобы, хо-рошенько тряхнув резинку, сбить гвоздь с хлипкого «предохранителя», и он ударил по заряду.

Бабахает такая самоделка будь здоров! Вон у Володьки Бобрицкого грохнула так, что трубку разорвало, и горе-экспериментатор серьезно поранил руку. Намного старше меня, но вот ведь какой недотепа... Что он не знает, что нельзя «стрелять», держа оружие в руках; не знает, сколько спичек должно идти на один заряд? Говорили, что он вообще вместо спичечной серы пробовал использовать порох...

Осенью 1944 года я на время приохотился еще к одному занятию и отнюдь не детскому. Связано оно с бабушкой Тиной⁴⁸⁰.

Из эвакуации на родину она возвратилась одна. Встречу ее на станции я помню отчетливо. Помню, что шли мы с мамой туда путями, по шпалам, помню ту же дорогу обратно. Помню, что бабушка для меня оказалась почти незнакомым человеком, что сошла она с поезда, можно сказать, с голыми руками – кроме небольшого узелка, никаких вещей с собой не привезла.

После лишений и голода, с лихвою испытанных в чужом краю, она сразу берется за возрождение беспризорной, заброшенной в годы оккупации, семейной усадьбы в Великой Яблоновке. Дело трудное. Хозяйство всё запущено, заросло бурьянами, нет ни инвентаря, ни посадочного материала. Откуда только она черпала силы, где отыскивала средства, чтобы поднять приусадебный участок?⁴⁸¹ В первый же сезон бабушка умудрилась вырастить табак и исподволь начала приохочивать меня к полезному труду.

Осенью мы уже выходили к заводу на станции «базарувати». Там, перед главной проходной, под деревом, был небольшой пятачок, на котором задерживались рабочие во время пересменки. Устроившись рядом, мы с бабушкой товар свой, табачок, выкладывали раздельно. Желавшие пополнить запас курева, подойдя к нам, в первую очередь обращались не к бабуле, а ко мне, скромному мальчику. Смотрели самосад, похваляли. Я отмерял стаканом просимую порцию махорки и высыпал ее в кисет или в помятую жестяную ко-тобку-портсигар покупателя. Затем тот получал впридачу еще и несколько аккуратно на-резанных газетных листочков для самокруток. Обслуживание оценено: «Молодець, хлоп-че! Твої дружки, мабуть, байдики б'ють, а ти ось при справі... Відразу видно: робоча лю-дина росте!»

Действительно, это была моя первая «работа»: несмотря на то, что табак был бабушкин, полученную мною выручку она полностью оставляла внуку. Я, помнится, замыслил тогда приобрести какую-то вещь и решил накопить денег. Вот бабушка и пошла навстречу мне за оказанную ей «помощь»...

⁴⁸⁰ Из эвакуации бабушка вернулась вскоре после освобождения Смелы (Книга II, стр. 90–93).

⁴⁸¹ Он был значительно больше нашего малояблоновского.

Весна 1945 года. Красная армия громит фашистов уже в самом Берлине. С жадностью прислушиваемся к последним известиям.

И вот молнией проносится новость: «Победа! Войне конец!» Всех зовут на станцию... В тот день, 9 мая, отец по какой-то причине был дома⁴⁸². И вот мы втроем – родитель и я с Ниолаем – бежим, спотыкаясь по шпалам, на завод... Митинг был недолгим. Действительно, объявлена капитуляция Германии... Война закончена... Ралость-то какая! Ура!!!

Уже на обратном пути со станции, на подходе к мосту перед Малой Яблоновкой, отец – человек, привыкший полагаться на здравый смысл и собственный жизненный опыт, – размышлял вслух: «Щось не віриться, що війна зовсім закінчилася, що вже не стріляють... Ось ми йдемо, а десь ще гинуть люди...»

Сам митинг вспоминаю с трудом, а вот это его вполне здоровое соображение врезалось в мою память навсегда.

Итак, впереди – мирная жизнь!

⁴⁸² В то время завод работал круглосуточно и, видимо, отцу предстояло выходить на работу во вторую или третью смену.